

Глава 4. Бесы

Пусть вместо «не убий» - убий читают
(Седьмую уж и так не соблюдают!).
«Не пожелай» - десятая – пускай
Напишут на скрижалях: «пожелай»

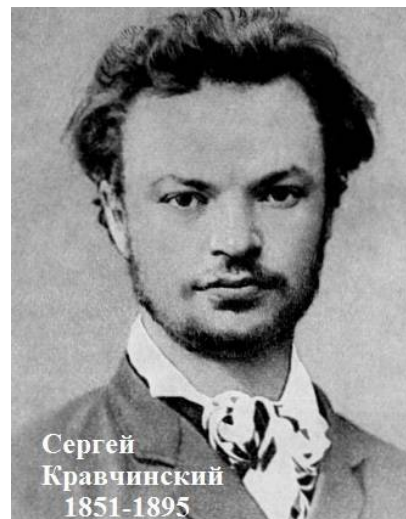
Аполлон Майков «Два беса»

Восторг «прогрессивной» толпы по поводу оправдания Засулич сильно подействовал на наиболее радикальных революционеров. Почувствовав одобрение общественности, они теперь мнили себя героями, решив, что в борьбе за «народное счастье» все моральные принципы могут быть попораны. Всего через шесть лет после появления пророческого романа, бесы сошли с его страниц. И вслед за первыми каплями крови, хлынул кровавый поток.

В феврале 1878 года будущий народоволец Григорий Гольдберг смертельно ранил харьковского губернатора князя Дмитрия Кропоткина. В августе того же года, разочаровавшись в тактике хождения в народ, Степняк-Кравчинский ударом кинжала убил шефа жандармов Николая Мезенцева. Наконец, в апреле 1879 года члены «Земли и воли»: Гольдберг, Михайлов, Аарон Зунделевич, Людвиг Кобылянский, Александр Квятковский и Александр Соловьев приняли решение убить царя.

Зунделевич прославился тем, что вместе с Михайловым организовал в 1877 году первую в России настоящую подпольную типографию, издававшую газету землевольцев. Вместе с Кравчинским он участвовал в убийстве Мезенцева. Кобылянский тоже имел террористический опыт, так как помогал Гольдбергу в убийстве губернатора Кропоткина.

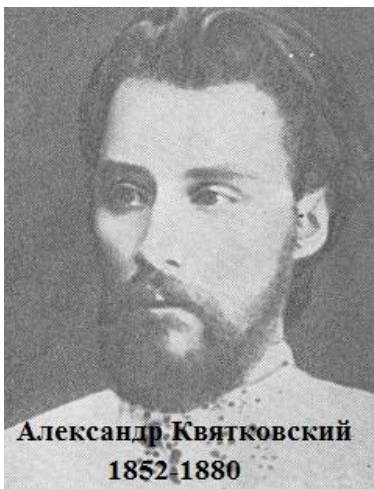
Эти трое, как уже опытные убийцы, в первую очередь предложили свои услуги, но были отвергнуты. Гольдберг и Зунделевич, потому что были евреями, а Кобылянский – как поляк. Также была отклонена кандидатура белоруса Квятковского. Было решено, что убийцей русского самодержца может быть только русский. Выбор пал на бывшего

учителя Соловьева, который и совершил неудачное покушение – пять выстрелов практически в упор прошли мимо цели. И это было тем более удивительно, что в тире Соловьев показал себя отличным стрелком.

Пока все эти покушения и убийства совершались без согласия руководства организации.

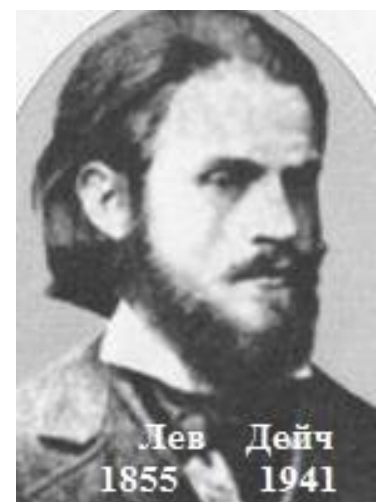

Но после казни Соловьева, члены «Земли и воли» Тихомиров, Морозов,

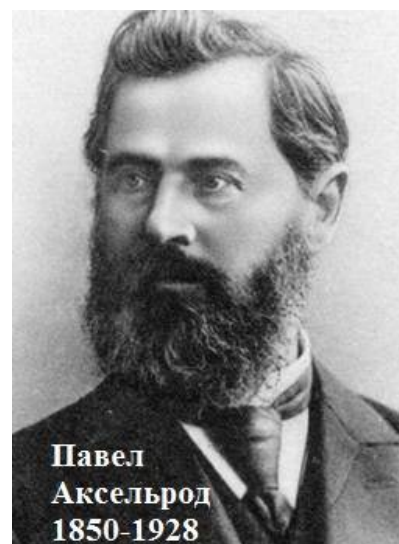
Гольдберг и Квятковский организовали тайную террористическую организацию «Свобода или смерть» и первую подпольную динамитную мастерскую, которой заведовали: ученик знаменитого ученого Павла Яблочкова Степан Ширяев и изобретатель реактивного двигателя Николай Кибальчич.

В июне 1879 года на Воронежском съезде «Земля и воля» распалась. Меньшая ее часть (не более 100 человек) во главе с Плехановым, Дейчем, Аксельродом, Аптекманом и Засулич образовала «Черный передел», сохранивший верность пропагандистской тактике землеvolьцев. Большая же часть во главе с Зунделевичем, Перовской, Михайловым, Фигнер и Желябовым

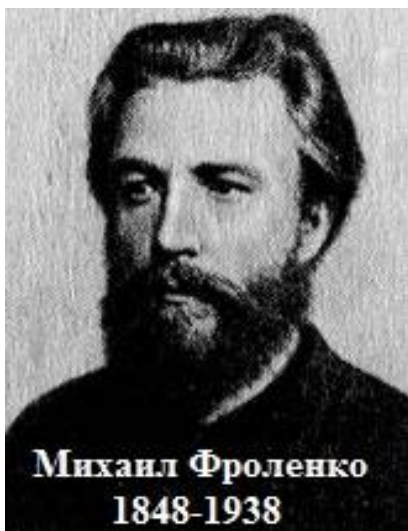

образовали боевую террористическую организацию «Народная воля», в которую влилась и тихомировская «Свобода или смерть» с динамитной мастерской. На первом же заседании организации была поставлена главная задача – убийство Александра II.

Уже 19 ноября, изготовив достаточное количество динамита, народовольцы совершили первое организованное покушение на царя, сделав

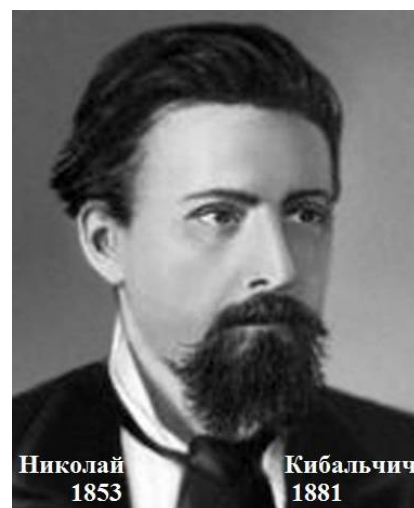
три динамитные закладки на разных участках пути следования царского поезда. Но в этот раз судьба хранила самодержца. Бомба, заложенная Михаилом

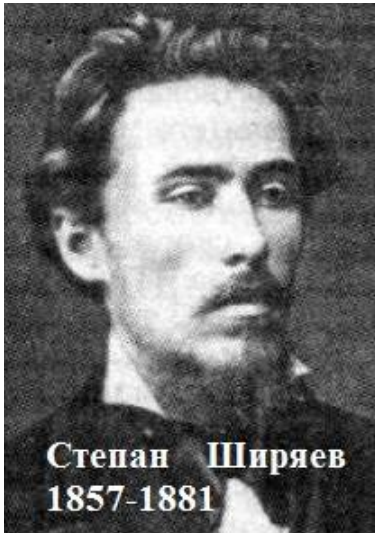

Фроленко, не была задействована вследствие изменения маршрута поезда. У бомбы Желябова не сработал взрыватель. И только группе Перовской, где исполнителем был Ширяев, удалось взорвать поезд, но он оказался не царским.

Перед покушением, при перевозке динамита был арестован Гольдберг. Вначале он держался достойно, но затем выдал всю организацию.

Мотивы, которыми он это объяснял, выглядят совершенно невероятно. Гольдберг, по его утверждению, надеялся, что правительство, узнав о мощи организации и чистоте ее помыслов, не станет преследовать ее членов и примет их демократические требования. Можно конечно объяснить это попыткой предателя оправдать свое предательство, если бы не последовавшее за этим самоубийство, когда Гольдберг понял, что натворил. Если же он был искренен, то остается только удивляться уровню интеллекта и психического состояния радикальных борцов за народное счастье.

К тому времени практически все члены «Народной воли» были на нелегальном положении, положив начало такому явлению в российской жизни, как профессиональные революционеры. Поэтому правительству удалось арестовать только 16 народовольцев, включая членов исполкома Квятковского, Зунделевича и Ширяева, а также уже упоминавшегося Кобылянского.

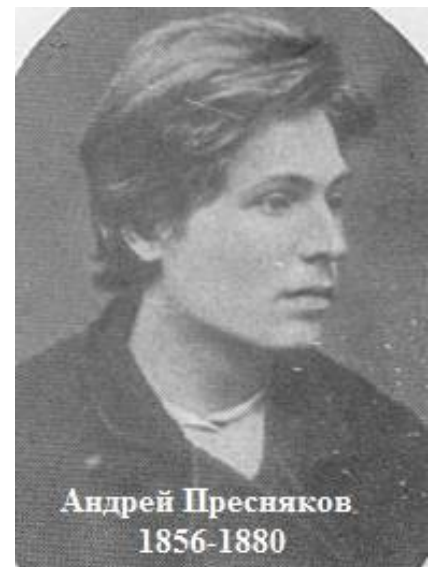
Все они были осужденных на процессе 16-ти. Приговоры были значительно суровее, чем раньше. Квятковский и Андрей Пресняков были казнены, Ширяев умер в тюрьме, остальные получили значительные сроки каторги и ссылки.

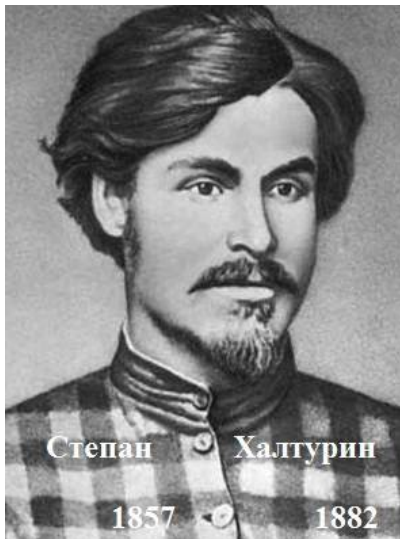
Пример Ширяева, организовавшего первый кружок среди гимназистов Саратовской гимназии, в которой он учился, показывает, что в 70-е годы революционное движение еще более помолодело. И теперь, кроме студентов, в нем во все больших количествах начали участвовать гимназисты.

Казнь же рабочего Преснякова открывала новую страницу в истории революционного движения в России. Интеллигенция потеряла монополию на ненависть к самодержавию. Рабочие начинают играть все большую роль в революционном процессе.

Среди осужденных на этом процессе был и рабочий Иван Окладников, который согласился, в обмен на отмену смертной казни, сотрудничать с полицией. В дальнейшем, он стал пионером такого явления в революционной среде, как провокаторство. Благодаря его предательству был арестован Михайлов, ставший к тому моменту фактическим руководителем организации.

Но «Народная воля», несмотря на потерю ряда своих руководителей, не оставила попыток убить царя. В феврале 1880 года Степан Халтурин, еще

один представитель рабочего класса в революционной организации, заложил бомбу в подвале Зимнего дворца и произвел взрыв. Сам император опять не пострадал. Но погибли 10 солдат из охраны и еще около 80-ти были ранены. То есть погибли те самые крестьяне, именем которых клялись народовольцы. К тому же, это были герои недавней русско-турецкой войны, награжденные почетной службой по охране Зимнего дворца. Халтурину тогда удалось скрыться, и он был повешен только в 1882 году уже после участия в убийстве одесского прокурора Василия Стрельникова.

Руководство подготовкой к новому покушению взял на себя Желябов. Но в феврале 1881 года был арестован и он. И тогда последнее покушение на императора возглавила Перовская. 1 марта 1881 года она умело расставила бомбометателей на пути следования Александра II.

Первая бомба, брошенная Николаем Рысаковым, не достигла цели, но бомба поляка Игнатия Гриневицкого стала для царя роковой.

Вместе с самодержцем погиб и сам бомбометатель, но схваченный полицией

Рысаков выдал всех членов организации. И вскоре все непосредственные участники покушения: Перовская, Желябов, Кибальчич, Рысаков и еще один рабочий, Тимофей Михайлов – были казнены. Николай Саблин застрелился при аресте, а Гесья Гельфман, казнь которой была отсрочена из-за беременности, умерла при родах.

В результате всех этих событий Россия

заслужила сомнительную честь считаться родиной организованного терроризма. Перовская, Желябов, Кибальчич, Халтурин – эти имена знакомы практически всем россиянам, особенно старшего поколения. Даже тем, кто никогда не интересовался историей, а в школе перебивался с двойки на тройку. Знакомы потому, что сотни проспектов и улиц наших городов почти век носили их имена. Большевики, увековечив их память в многочисленных объектах, тем самым объявили себя духовными наследниками террористов. Тем более что официально объявив «красный террор», они подняли терроризм на государственный уровень. Особенно трогательно звучит Постановление Совета Народных Комиссаров 1926 года, назначившее Вере Фигнер персональную пожизненную пенсию как «участнице царубийства».

Кстати, во многих городах России улицы и проспекты носят их имена до сих пор. Многие скажут – это наша история. Помнить - не значит прославлять. Но ведь не случайно власти древних Афин издали указ «Забыть Герострата»! А сейчас в некоторых странах дома террористов разрушают, могилы уничтожают, всячески стараясь стереть память о них. Потому что террористов, как и любых людей, пораженных антисистемным мышлением, всегда уничтожали как бешеных собак. Так как бешенство очень опасно и чрезвычайно заразно. Поэтому увековечивание памяти террористов никогда не проходит бесследно.

Безусловно, и нынешние: «Талибан», ИГИЛ, «Аль Каида» и прочая «Нусра» ведут свою родословную от «Народной Воли». И хотя цели тогдашних борцов за народное счастье бесконечно далеки от целей нынешних шахидов, но все же, исламские террористы – духовные дети «Народной Воли» и морально поддержавшей ее русской интеллигенции.

И кто знает, может быть кто-то из современных русских террористов, таких как: Саид Бурятский (Александр Тихомиров) и Павел Косолапов, взорвав-

шие «Невский Экспресс»; Муслин (Максим) Понарьин, совершивший теракты в Краснодаре и московском метро; Виктор Двораковский, взорвавший станции метро в Минске и Москве; смертники-шахиды Виталий Раздобудько, Мария Хорошева и Амина Курбанова (Алла Сапрыкина) вырос на улице Софьи Петровской, ходил в школу по проспекту Желябова, посещал кружки во Дворце культуры имени Халтурина или гулял по мосту Гриневицкого.

Но причем здесь интеллигенция, опять спросит возмущенный читатель? Действительно, как провозглашается сейчас со всех трибун, терроризм национальности не имеет. Как не связан он и с какой либо социальной группой. Профессиональные революционеры-террористы, в отличие от революционных теоретиков, находятся вне этнических или социальных групп. И руководствуются они не ценностями, принципами и стереотипами поведения тех этнических и социальных образований, из которых они вышли, а «Катехизисом революционера». И в соответствие с его положениями профессиональные революционеры с презрением относятся к традиционным ценностям даже тех этносов, которые они представляют.

Показательным в этом смысле было негативное отношение к ортодоксальному еврейству революционеров, выходцев из еврейской среды. Так Яков Фрумкин писал о еврейских революционерах, что «у многих из них сложилось страстно враждебное и презрительное отношение к старому еврейству как к какой-то паразитической аномалии». А Зунделевич отмечал: «Еврейство, как национальный организм, не представляло собой явления, заслуживающего поддержки». Лев Дейч, вспоминая о погромах, замечал: «Все же я допускал, что они отчасти сами виноваты во враждебном к ним отношении, благодаря своему стремлению к легкой наживе и избеганию тяжелого физического труда».

И все же, хотя профессиональных революционеров-нелегалов нельзя отнести к интеллигенции, но она несет прямую ответственность за появление «бесов революции». Так как на протяжении всего периода революционного движения, за исключением коротких отрезков времени (во времена «нечаев-

щины»), после убийства Александра II или после событий 1905 года), когда интеллигенция занималась самобичеванием, в остальное время она обеспечивала бесам моральную поддержку. Казалось бы, еще вчера прогрессивная общественность, да и сами революционеры пребывали в шоке, познакомившись с методами Нечаева. Но всего через десять лет «Катехизис революционера» стал настольной книгой террористов, а интеллигенция, затаив дыхание, с восторгом следила за деяниями «таинственной и могущественной» организации. Эта поддержка была столь сильна, что даже консервативные писатели и публицисты, зависящие от мнения читающей публики, не решались твердо встать на сторону правительства.

Характерны слова, сказанные Достоевским Суворину сразу после взрыва в Зимнем дворце: «Представьте себе, вы или я, мы стоим у магазина Дациаро и слышим, что нигилист говорит другому, что через десять минут Зимний дворец будет взорван. Пошли ли бы их предупредить? Едва ли. Я сомневаюсь. А уж схватить этих нигилистов или указать на них полиции, да это и в голову не пришло бы...А почему?... Просто боязнь прослыть доносчиком. Мне бы либералы не простили. Они измучили бы меня, довели бы до отчаяния. Разве это нормально?». Оба консерваторы, убежденные монархисты, но даже они уже не способны пойти против стереотипов поведения, навязанных интеллигенцией образованной части общества.

Таким образом, русская интеллигенция, оказав моральную поддержку первым террористам, несет прямую ответственность за развитие терроризма не только в России, но и во всем мире.

Как отмечал Андрей Фурсов: «Российская интеллигенция монополизировала сферу идеологии в России конца XIX — начала XX века, тем более что у нее не оказалось не только сильных соперников, но и соперников вообще...».

Но тогда господа интеллигенты, вы все-таки определитесь. Либо «мы здесь не причем» либо «интеллигенция монополизировала сферу идеологии».

Я думаю, что в значительной степени с утверждением Фурсова можно согласиться. В 80-е годы, после смерти Достоевского лишь отдельные талант-

ливые консервативные публицисты, такие как Катков и Леонтьев, да Иван Аксаков, последний из оставшихся в живых идеологов славянофильства, пытались противостоять влиянию интеллигенции. Такие же деятели, как Константин Победоносцев, главный идеолог контрреформ Александра III, своим кондовым консерватизмом только ослабляли монархический лагерь, отталкивая от него мыслящих людей.

А что же аристократия и дворянство в целом, привилегированный и правящий класс? К сожалению, после петровских реформ, оторвавших дворянство от народных основ, наблюдалась его постепенная деградация. Она особенно усилилась после манифеста «О вольности дворянства», изданного Петром III в 1762 и усиленного и дополненного Екатериной II, а также после широкого распространения в среде аристократии масонских идей. Из сословия, платившего налог кровью, дворянство в значительной своей части теперь превратилось в паразитический класс, имеющий все права и не имеющий никаких обязанностей.

В результате часть образованного дворянства окончательно оторвалось от «почвы» и вместе с частью образованных разночинцев сформировала русскую интеллигенцию. Другая часть, в основном помещики, не обремененные государственной службой, к концу XIX века серьезно деградировала. Феномен этой деградации хорошо прослеживается в литературе XIX века. От фонвизинского «недоросля», через гоголевские «мертвые души», гончаровского «Обломова» до его финального аккорда в чеховском «вишневом саду». Высшая же чиновничья бюрократия занималась привычным для любой бюрократии делом – грабила страну. Немногочисленные сановники, способные к действию и понимающие весь ужас надвигающейся катастрофы, буквально тонули в этом аристократическом болоте.

Дворяне не просто утратили монополию на государственную службу. Теперь уже не только среди стацких, но и в офицерском корпусе разночинцы стали преобладающим элементом. К 1897 году по данным переписи, среди гражданских служащих дворян по происхождению было 30,7 %, среди офице-

ров – 51,2 %, среди учащихся гимназий и реальных училищ – 25,6 %, среди студентов – 22,8. К тому же на высших государственных должностях наблюдалось засилье немцев.

Массовый приток иностранцев на государственную службу наблюдался и в XVIII веке. Но тогда русский этнос, находившийся в акматической фазе, успешно ассимилировал приезжих, которые принимали православие и уже во втором поколении становились русскими, только с немецкими фамилиями. Теперь же немцы в большинстве своем сохраняли свою веру и национальную самоидентификацию. И к концу XIX века более 40 процентов чиновников военной и гражданской администрации составляли выходцы из западно-христианской суперэтнической системы. Державная идея не входила в перечень составляющих их стереотипа поведения. Штольц, при всей его энергичности и добропорядочности, не мог быть опорой русского самодержавия. Но самое печальное, что не мог уже и Обломов.

Деградация в помещичьей среде порой принимала самые неожиданные формы. Потеря жизненных ориентиров даже приводила некоторых из них в ряды революционеров. Так одним из первых революционеров, казненных царским правительством еще в 1879, был богатейший черниговский помещик Дмитрий Лизогуб, также к своему несчастью побывавший в стенах университета. Все свое огромное состояние он передал в распоряжение террористов и казнен был как их главный спонсор. При этом он жил как последний бедняк, экономя каждую копейку на дело революции. Но что самое удивительное! Он бескорыстно жертвовал всем ради «счастья народа», но мысль передать свои обширные земли крестьянам даже не приходила ему в голову. И до самого конца его управляющий исправно выжимал арендную плату их тех, ради кого Лизогуб отдал жизнь.

Таким образом, к концу XIX века аристократия практически полностью уступила интеллигенции в борьбе на всех идеологических фронтах. Аристократы лишь безучастно наблюдали, как интеллигенты с упоением раскачивают лодку, именуемую Российской империей. И в лучшем случае предпочитали не

задумываться о последствиях. И в худшем сами включались в эту бесовскую пляску.

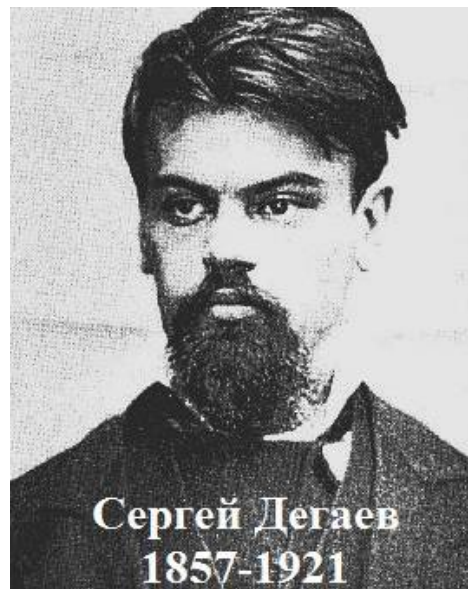
Роковой взрыв на набережной Екатерининского канала стал неким водоразделом в жизни российского общества. Реакция на это кровавое злодеяние населения не оправдала ожиданий народовольцев. Социалистической крестьянской революции не случилось. Среди крестьян распространилось вполне прагматичное мнение, что царя убили дворяне, за то, что он дал волю крепостным. Интеллигенция же, до этого рукоплескавшая действиям террористов, вдруг в ужасе от них отшатнулась. И занялась характерным для нее делом. Сначала нагадить, а потом осознать и каяться.

И в атмосфере ужаса от содеянного, на арену вступило третье поколение русской интеллигенции. Его появление сопровождала волна еврейский погромов, прокатившаяся по юго-западу России после убийства царя. Поводом для погромов стали слухи о том, что цареубийство – дело рук евреев, так как распространители этих слухов выдавали поляка Гриневицкого за еврея.

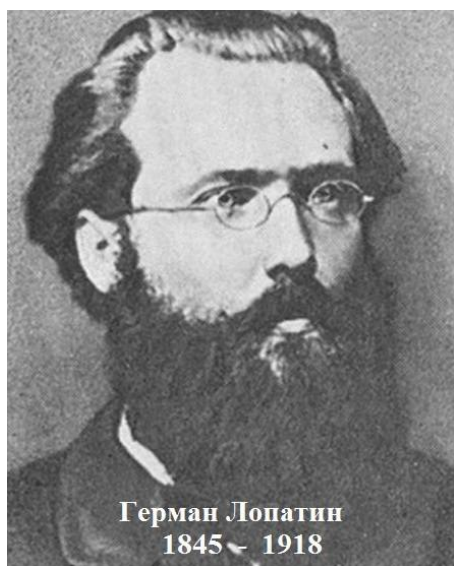
Многие считали, что погромы стимулировались правительством, так как поначалу органы правопорядка действительно не вмешивались в них. Но современные исследования показывают, что развитию погромов способствовали народовольцы, выпускавшие листовки, призывавшие крестьян обрушиться на евреев-эксплуататоров. Из Парижа поддержал погромы и идейный союзник народовольцев – Ткачев. Революционеры надеялись, что крестьяне, размявшись на евреях, на этом не остановятся и поднимут бунт уже против правительства. И стоит только «гениальным» мыслителям их слегка направить в нужное русло, как совершится, наконец, предсказанная в «глубоконаучных» трудах интеллигентских вождей, пресловутая крестьянскую социалистическую революцию.

Но революция, естественно, не случилась. Хотя погромы способствовали радикализации еврейской молодежи и пополнению ею революционных рядов, а также вызвали первую волну массовой эмиграции евреев в США и первую алию в Эрец-Исраэль.

Итак, здесь мы видим провокацию, мистификацию, террор, что представляет народовольцев достойными продолжателями славных «нечаевских» традиций. Не отступили народовольцы и от своей основной цели – уничтожения высших сановников, включая царя. Но дни этой организации, ослабленной репрессиями и лишившейся поддержки даже «прогрессивной» части общества, были уже сочтены. В 1882-1883 годах двойной агент Сергей Дегаев, завербованный жандармским подполковником Георгием Судейкиным, выдал практически всех оставшихся на свободе народовольцев, включая их тогдашнего фактического руководителя Веру Фигнер.

Вообще ситуация с Дегаевым выглядит совершенно фантазмагорично. После ареста Фигнер и значительного числа рядовых членов организации, он фактически становится ее руководителем. Но скрывать провокаторскую деятельность Дегаева при столь массовых арестах, даже, несмотря на умение Судейкина отводить подозрения от своих агентов, было невозможно. И Дегаев, опасаясь за свою жизнь, бежит за границу. Но почему-то бежит в Женеву к тогдашним идейным вдохновителям «Народной Воли»: Тихомирову, Лаврову и Герману Лопатину, также известному революционеру, члену 1-ого Интернационала.

Там он признается в предательстве, но при этом придумывает невероятную историю. Якобы Судейкин не просто завербовал Дегаева, а предложил ему план преобразования России. Дегаев должен был организовывать теракты, уничтожая вышестоящих начальников Судейкина. А тот будет успешно «разоблачать» рядовых террористов и продвигаться по службе. Став министром внутренних дел, Судейкин

должен был взять Дегаева в заместители. И вместе они постараются убедить царя продолжить демократические реформы Александра II и принять Конституцию.

Невероятно, но после долгих дебатов вожди приняли решение простить Дегаева. Но с условием, что он убьет Судейкина. Возникает вопрос – если они поверили в эту историю, то зачем убивать Судейкина. Если же нет, то прощение Дегаева организацией, уничтожавшей провокаторов по малейшему подозрению, выглядит совершенно необъяснимо.

Тем не менее, группа, руководимая Лопатиным, в состав которой входил Дегаев, сумела заманить в ловушку и убить одного из самых выдающихся борцов с террором в истории Российской империи. Самому же Дегаеву удалось вырваться из-под «опеки» народовольцев и скрыться в США.

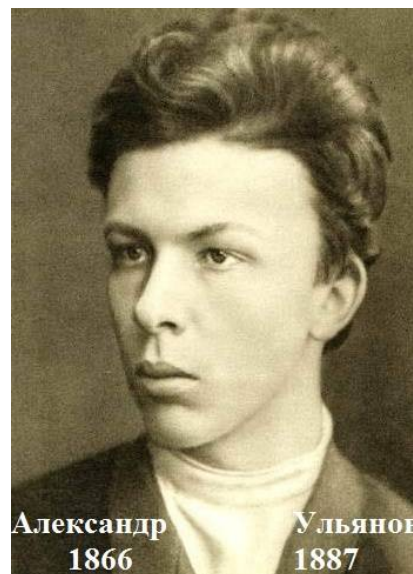
Там он под именем Александр Пелл получил гражданство, закончил университет, защитил докторскую диссертацию и длительное время работал профессором математики в университете Южной Дакоты. Он считался одним из лучших профессоров университета, которого любили и уважали студенты. И до сих пор в этом университете студентам присваивается стипендия имени Александра Пелла.

Судьба Дегаева весьма поучительна. Обладая блестящими математическими способностями, в полной мере проявившимися еще в гимназии, он мог бы стать выдающимся ученым и принести немалую пользу своему Отечеству. Но помимо способностей, Дегаев обладал также манией величия и гипертрофированным честолюбием. После достаточно случайного знакомства с народовольцами, он был исключен из университета и на его научной карьере был поставлен крест. И тогда Дегаев решил, что все равно добьется славы и успеха, но только став революционером. Причем не простым, а вождем революционного движения. А то, что этот путь принесет ему славу, он не сомневался, так как интеллигенция к тому времени уже сделала все, чтобы вознести революционеров на вершину общественного мнения. И ради своих амбиций Дега-

ев пошел на все. И действительно осуществил свою мечту, хоть и на короткое время, но став руководителем «Народной воли».

Восстановить террористическую организацию попытался нелегально вернувшийся в конце 1883 года из-за границы Лопатин. Но уже в 1884 году он был арестован, а по найденным у него спискам были арестованы и все вновь собранные народовольцы.

Последнюю попытку возродить террор и организовать новое покушение, теперь уже на Александра III, произвел Александр Ульянов, студент Петербургского университета. Но замысел был вовремя раскрыт. В 1887 году Ульянов и несколько его однокашников были казнены. И «Народная Воля», как организованная сила, окончательно прекратила свое существование.

Возникает вопрос. Как террористы-народовольцы, люди в большинстве своем образованные и не глупые, могли быть столь наивны, что поверили в возможность свершения революции одним лишь убийством царя. Обычно, когда не находят ответа, говорят «бес попутал!». Нет господа, не бес! Революционных фанатиков попутали мыслители-интеллигенты, такие как Герцен, Бакунин, Лавров, Михайловский, Кропоткин, в своих многотомных и «многоумных» трудах доказывавшие «природную» революционность русского крестьянства и «обнаружившие» в крестьянской общине зачатки социализма.

Александр III показал себя решительным и энергичным правителем. Ему удалось полностью подавить активные революционные силы, вызвав уныние в рядах нашей чувствительной интеллигенции. Но все же нужно признать, что своих целей революционеры в некотором смысле добились. Вступив на трон, царь должен был сделать выбор. Либо продолжение либеральных реформ, изложенных в проекте Конституции тогда уже покойного Михаила Лорис-Меликова, главного сподвижника Александра II. Либо жесткий консерватив-

ный курс, предложенный Победоносцевым. Император взял сторону последнего, приняв предложение «подморозить Россию». Реформы были не только прекращены, но даже частично свернуты, что вызвало нарастающее недовольство в обществе. Революционерам удалось-таки забить предохранительный клапан на кипящем котле под названием Российская империя. И дальнейший ход событий был уже практически predetermined.

Но пока еще до взрыва было далеко. Интеллигенция продолжала разрастаться, захватывая все большую часть образованного общества. А в третьем ее поколении все более заметную роль начинают играть потомственные интеллигенты. На фоне спада революционной активности жизнь интеллигенции постепенно устаканивается, и она окончательно из консорции переходит в устойчивую конвикцию.

Первые нигилистки крайне негативно относились к основному инстинкту, не создавали семьи и не заводили детей. Но постепенно природа брала свое. Когда острая фаза нигилистического психоза прошла, многие из них почистили под ногтями, отрасли волосы и вообще привели себя в божеский вид. И вот уже то тут, то там у непримиримых борцов за народное счастье стали появляться маленькие пузатенькие интеллигентки. Вырастая в подобных семьях, они автоматически становились потомственными интеллигентами. Благодаря этому в третьем поколении, в 80-90-е годы консорция интеллигенции постепенно и переросла в конвикцию – устойчивую группу людей с однохарактерным бытом, общими ценностями и семейными связями.

Показателен пример Софьи Ковалевской, первой в мире женщины-профессора математики. Как и все тогдашние нигилистки, для того, чтобы получить свободу и покинуть родительский дом, в 1868 году она вступает в фиктивный брак с таким же нигилистом, ученым-палеонтологом Владимиром Ковалевским. В 1871 году они едут

в Париж, ухаживают за ранеными коммунарами. До 1874 года Ковалевская учится в Берлинском университете, защищает докторскую диссертацию. И все это время супруги живут в разных городах. Но в 1874 году фиктивный брак как-то незаметно перерос в настоящий. И через четыре года у них родилась дочь Соня – потомственная интеллигентка, ставшая врачом.

По мере разрасталась интеллигенции и увеличения доли потомственных интеллигентов, в ней постепенно начался процесс естественной деградации. Личные интеллигенты первых двух поколений были в основном выдающимися умами, входившими в эту консорцию по принципу соучастия, разделяя идеалы и нормы поведения своих соратников. А их дети уже входили в консорцию интеллигенции автоматически, не зависимо от их способностей и склонностей. Первых интеллигентов, помимо любви к Западу и ненависти к России, объединяло презрение и ненависть к «мещанину», к мировоззрению мерзкого и безликого мира мелких лавочников, торгашей и спекулянтов. Для потомственных же интеллигентов антимещенство опустилось на бытовой уровень, как презрение к вещизму. Общими для них теперь становились не политические принципы, а быт, манеры поведения, манеры одеваться. Причем, если вначале быт интеллигентов определяли общие ценности и поведенческие стереотипы, то теперь уже – только традиция.

Далеко не все из потомственных интеллигентов обладали способностями своих родителей, но практически все наследовали их амбициозность и непоколебимую веру в свою исключительность. В третьем поколении пищеварение у интеллигенции значительно улучшилось. Думы о тяжком бремени русского мужика больше не бередили совесть и не портили интеллигентам аппетит. Теперь, как говаривал булгаковский профессор Преображенский, они под водочку уже оперировали закусками горячими. Не чуждо стало им и наслаждение от изысканных блюд и от изящных искусств. В этот период искусство нашло, наконец, в интеллигентах своих подлинных ценителей.

Преклонение же перед «революционным» русским народом сменилось раздражением и презрением к тупому темному мужику, оказавшемуся не

способным оценить высокие душевные порывы интеллигентов. Как отмечал Достоевский в «Дневнике писателя»: «Одна из характернейших черт русского либерализма – это страшнейшее презрение к народу и взамен того страшное аристократничание перед народом (и кого же? Каких-нибудь семинаристов)».

В этот период концепт субкультуры интеллигенции еще раз скорректировался и формулировался как: образованный человек, руководствующийся не только разумом, но и чувствами совести, ненависти к самодержавию и благоговения перед Западной культурой. Как мы видим из концепта постепенно исчезло сострадание к народу. А вместе с засильем бесцветной потомственной интеллигенции исчезли креативность и творчество.

Поражение революционеров и отсутствие перспектив свержения ненавистной тирании породило среди значительной части интеллигенции, особенно потомственной, уныние и ощущение одиночества. Как писал уже цитированный ранее Хазанов: «Русский интеллигент одинок... Но если враждебность правящей бюрократии, этих каменных уступов власти, кажется интеллигенту чем-то само собой разумеющимся, то равнодушие и непроницаемость огромного и живущего внеисторической жизнью народа составляет для него источник непрерывных недоразумений и страданий. Положение интеллигентов в России до смешного напоминало положение чуждого и окруженного всеобщей подозрительностью этнического меньшинства. Они и говорили на непонятном для всех языке, и вели себя не так, как все. Попытки же «слиться» с народом оканчивались плачевно».

Антон Чехов
1860-1904

И в этом печальном состоянии и застал интеллигенцию великий драматург Антон Чехов. Порыгунья, Иванов, доктор Рагин из «Палаты №6», несостоявшийся драматург Треплев из «Чайки», мыльный пузырь профессор Серебряков из «Дяди Вани», три сестры, учитель Трофимов из «Вишневого сада» и другие персонажи его пьес показывают безволие, пустую мечтательность и

беспольность русской интеллигенции.

В письмах, рассуждая об интеллигенции, Чехов еще более категоричен. «Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже, когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр» - писал он Орлову в 1899 году. В письме к Суворину, говоря о писателях, Чехов отмечал: «В России они помогают дьяволу размножить слизняков и мокриц, которых мы называем интеллигентами. Вялая, апатичная, лениво философствующая, холодная интеллигенция... которая не патриотична, уныла, бесцветна... которая брюзжит и охотно отрицает все, так как для ленивого мозга легче отрицать, чем утверждать... Вялая душа, вялые мышцы, отсутствие движений, неустойчивость в мыслях...».

Пожалуй, при всей моей нелюбви к интеллигенции, должен признать, что здесь Чехов все же перегнул палку. Хотя, скорее всего, под интеллигенцией он подразумевал только пустую и никчемную часть образованного общества, которая, собственно, и представлена в его пьесах.

И действительно, к концу XIX века в подобных персонажах не было недостатка. Именно в период упадка революционной борьбы интеллигенция начала стремительно разрастаться. Теперь, чтобы заслужить право считаться интеллигентом, уже не нужно было жертвовать своей карьерой, «ходить» в народ и демонстрировать свою безграничную к нему любовь или писать острые политические статьи, за которые могут и в Сибирь сослать. Достаточно было продемонстрировать «кухонную» ненависть к самодержавию и презрение к поддерживающему его «тупому» народу. Ну и, естественно, восхищение «передовым» Западным миром.

Как приятно было, сидя в теплой гостиной на мягком диване ощущать свою сопричастность к передовому обществу, где «витали идеи». И потягивая коньяк, от наслажденья «стенать под гнетом» царского режима. Вообще «стенания под гнетом» теперь становятся неотъемлемым признаком русской интеллигенции – от чеховских героев до Константина Райкина.

Устоять перед этим человеку, сдавшему зачет по философии, открывав-

шей перед ним все смыслы мироздания, было практически невозможно. И к концу века интеллигенция вобрала в себя значительную часть образованного российского общества, включая большую часть профессуры и деятелей искусства. Этому способствовала и политика Александра III. Прекращение начатых реформ всегда намного опаснее для стабильности в обществе, чем даже их отсутствие. Поэтому ряды образованных сторонников консервативного лагеря стремительно таяли. Оплотом консерватизма оставалась только аристократия, высшее чиновничество, часть офицерства и только отдельные представители образования, науки и искусства, например, такие известные имена, как химик Дмитрий Менделеев, философ Василий Розанов, историк Дмитрий Иловайский, художники: Виктор Васнецов, Михаил Нестеров, Константин Маковский, книгоиздатель Алексей Суворин и основатель первого оркестра народных инструментов Василий Андреев. Да и то, многие из них пришли к консерватизму лишь только после событий 1905 года.

Несмотря на столь негативное отношение к интеллигенции, сам Чехов, несомненно, был классическим интеллигентом того времени, подверженным приступам хандры и перепадам настроения. Став врачом, поначалу он с энтузиазмом принялся за дело. «Мечтаю о гнойниках, отёках, фонарях, поносах, соринках в глазу и о прочей благодати. Летом обыкновенно полднѣ принимаю расслабленных, а моя сестра ассистирует мне, — это работа весёлая» - писал он Короленко в 1888 году.

«Душа моя утомлена. Скучно. Не принадлежать себе, думать только о поносах, вздрагивать по ночам от собачьего лая и стука в ворота (не за мной ли приехали?), ездить на отвратительных лошадях по неведомым дорогам и читать только про холеру и ждать только холеры и в то же время быть совершенно равнодушным к сей болезни и к тем людям, которым служишь». Это не монолог доктора Трилецкого из фильма «Неоконченная пьеса для механического пианино», это строки из письма Чехова Суворину, написанному в 1891 году. И там же: «Ах, как мне надоели больные! Нехорошо быть врачом. И страшно, и скучно, и противно».

И в дальнейшем Чехов метался между врачебной и писательской деятельностью, то бросая врачевание, то предпринимая безуспешные попытки вернуться в медицину. Причем и в литературном творчестве периоды подъема чередовались с временами упадка. В один из таких периодов уныния Чехов даже предпринял длительное путешествие на Сахалин.

Есть соблазн противопоставить интеллигенции людей дела: выдающихся ученых, инженеров, педагогов. Как это сделал Чехов, противопоставив Попрыгунье и ее интеллигентскому окружению самоотверженного служителя науки – доктора Дымова. Но, к сожалению, и тут все не так просто. Многие выдающиеся ученые, такие как Сеченов, Тимирязев, Мечников и другие были, тем не менее, типичными представителями интеллигенции, ненавидевшие царский режим и российскую действительность и преклонявшиеся перед «передовым» Западом.

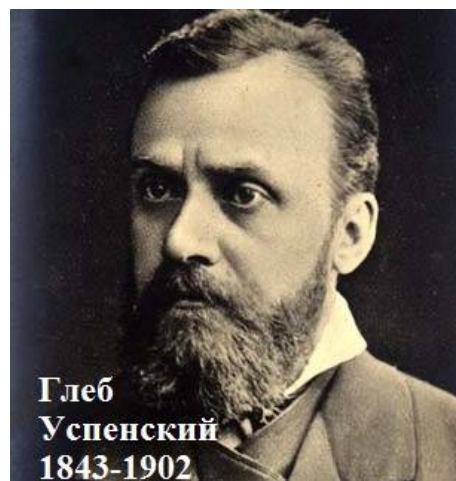
Да и в самой интеллигенции далеко не все возлежали на диванах. Сохранялся еще значительный слой так называемых «легальных» народников, прошедших через аресты, ссылки, негласный надзор. Они продолжали упорствовать в своих заблуждениях, ведя достаточно беспорядочный, хотя и пассивный образ жизни, и косо смотрели на своих зажавшихся и «омещанившихся» коллег по общему социальному слою.

Писатель Иван Бунин, наблюдая за своим старшим братом и его друзьями, так описывал образ жизни «ветеранов» народничества конца 80-х годов: «Жили они, в общем, очень обособленно от прочих русских людей, даже как бы и за людей не считая всяких практических деятелей, купцов, землевладельцев, врачей и педагогов (чуждых политике), чиновников, духовных, военных и особенно полицейских и жандармов, малейшее общение с которыми считалось не только позорным, но даже преступным, и имели все свое, особое и непоколебимое: свои дела, свои интересы, свои события, своих знаменитостей, свою нравственность, свои любовные, семейные и дружеские обычаи и свое собственное отношение к России: отрицание ее прошлого и настоящего и мечту о ее будущем, веру в это будущее, за которое и нужно было бороться».

Как мы видим, Бунин здесь чутко подметил главное свойство людей с антисистемным мышлением, характерным для интеллигенции – футуристическое ощущение времени.

Властителем дум этой части интеллигенции в конце века становится Михайловский. Будучи с 1892 года редактором журнала «Русское богатство», а ранее – «Отечественные записки», этот плодовитый публицист стал рупором так называемого либерального народничества. Творчество его было крайне эклектично, и представляло собой кашу из идей Канта, Спенсера, Лаврова и Чернышевского, сдобренную острой приправой оправдания терроризма. При этом, как это ни парадоксально, будучи певцом народничества, Михайловский себя народником не считал, хотя контактировал с народолюбцами и даже участвовал в составлении знаменитого ультиматума Александру III после убийства его отца. Как и другой апологет народничества, писатель Глеб Успенский, он искал гармонию человеческой личности в русском мужике. Но поиски гармонии ничуть не помешали Михайловскому впоследствии вновь воспеть терроризм. И при этом народолюбцев он считал «неправильными» террористами. Надо полагать, что правильными для него были те кто, как пошутил Владимир Путин, «отрезают головы каким-то особенно гуманным способом».

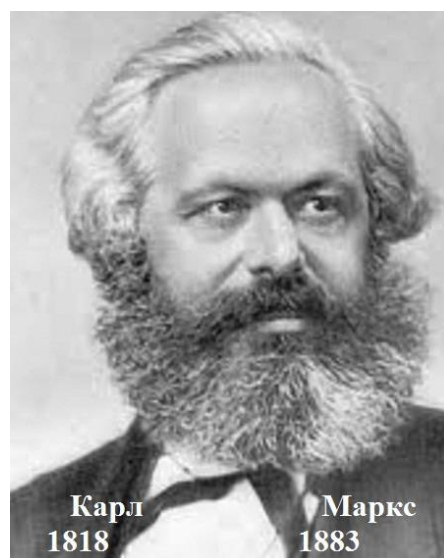

Либеральные народники уже разочаровались в революционности крестьянства, поэтому видели священный долг интеллигенции своими силами помочь мужику вернуть гармонию в его жизнь. Причем необходимость возвращения утраченной гармонии не вызвала у интеллигентов ни малейших

сомнений. Достижение же этой цели они видели в воздействии на самодержавие любыми способами, включая террор.

Другая часть бывших народников, едва успев пережить разочарование в народе, нашла утешение в марксизме. Уже 1883 году из бывших членов «Черного передела» была создана первая марксистская группа «Освобождение труда» во главе с Плехановым, в которую вошли такие известные личности, как Засулич, Дейч и Аксельрод. Любовь к крестьянству была отставлена. Теперь объектом поистине материнской любви этой части интеллигенции становился пролетариат. А новым предметом поклонения становится марксизм.

Группа поставила задачу создания в России социал-демократической партии и всемерного распространения учения Маркса. И надо сказать, своих целей группа добилась. После переводов сочинений Маркса и Энгельса на русский язык, число сторонников марксизма в рядах интеллигенции стало расти как снежный ком. Этому способствовала и позиция правительства. Власть не могла тогда оценить всей опасности самой страшной в истории человечества общественно-политической антисистемы. Новое увлечение интеллигенции царизм рассматривал как помощь в отвлечении образованного общества от идей народничества. Ибо новоиспеченные марксисты и старые народники сразу принялись с увлечением идейно волтузить друг друга.

Нельзя сказать, что русские интеллигенты не были знакомы с учением Маркса и раньше. Многие революционеры-иммигранты в разное время входили в состав 1-го Интернационала и были лично знакомы с основоположником. Но тогда они не придавали серьезного значения учению о диктатуре пролетариата в связи с почти полным отсутствием такового в России середины XIX века.

К 1850 году в России было всего 800 тысяч наемных рабочих. Но в основном это были рабочие на кустарных или мелких производствах. Доля про-

мышленных рабочих была ничтожно мала. К концу же века численность рабочего класса уже достигла 11.8 миллиона, хотя 70% по-прежнему работали на предприятиях кустарного типа. Классический же промышленный пролетариат, могильщик буржуазии, оценивался не более чем в 2 миллиона. Причем 92% составляли крестьяне. Из них у 31% семьи находились в деревне, а 54% сохраняли в деревне наделы. И только 6% уже являлись потомственными рабочими.

Рост численности рабочих был связан как с отменой крепостного права, так и с начавшейся при Александре III ускоренной индустриализацией России. При этом сложились две группы промышленной буржуазии. «Московскую» группу составляли купцы-староверы, сохранившие ведущие позиции во многих отраслях, и прежде всего, в легкой промышленности России. При этом они использовали в основном семейный капитал и кредитами почти не пользовались.

В среде московского купечества, как отмечал Ю. Голицын¹, «стремление избежать душевного разлада между «неправдой денег» и понятием справедливости... вызвало мощный взрыв благотворительности и меценатства во второй половине XIX - начале XX веков». Только по Москве ежегодная сумма, выделяемая на благотворительность, превышала 4 млн. золотых рублей. Небывалый расцвет в искусстве и взлет науки во второй половине XIX века во многом связан именно с этим меценатством.

«Петербургская» группа предпринимателей развивала в основном тяжелую и военную промышленность. Здесь широко использовались государственные кредиты и иностранные инвестиции. Интенсивно развивался банковский сектор и акционерные общества. Вместе с капиталами, иностранные инвесторы принесли в Россию и жесткие порядки, весьма далекие от тех, что исповедовали купцы-старообрядцы. Если на фабриках Третьякова и Морозова был введен 9-ти часовой рабочий день, и заработная плата значительно превышала среднюю по стране, развивалось социальное обеспечение, то на заводах «петербургской» группы рабочие трудились по 12-14 часов за минимальную плату.

¹ Голицын Ю. Предпринимательство и русский характер.// Русский предприниматель. – 11, 2001.

Это привело к тому, что по заводам, принадлежавшим промышленникам петербургской группы, в 80-90-х годах прокатилась волна массовых забастовок и стачек. И интеллигенция, с маниакальным упорством искавшая силу, способную сокрушить ненавистное Российское государство, поняла, что, наконец, она ее нашла. В отличие от крестьян, рабочие – тоже вчерашние крестьяне, но только вырванные из привычной среды, оказались более податливым материалом, энергию которых можно было направить в нужное русло.

И работа закипела. Под влиянием группы Плеханова по всей России среди студентов и даже гимназистов возникают марксистские кружки. В одном из таких кружков, руководимых недоучившимся гимназистом Николаем Федосеевым, в 1889 году познакомился с марксизмом молодой изгнанник из Казанского университета Володя Ульянов.

В годы учебы в гимназии Владимир демонстрировал блестящие успехи по всем предметам и примерное поведение. В отличие от других гимназистов, никаких признаков увлечения какими-либо либеральными или революционными идеями он не демонстрировал. Кумиром его юности был Тургенев, произведения которого он знал буквально наизусть. Но уже тогда Володя отличался колоссальной внутренней энергией, умением подчинять своей воле и беспощадностью к врагам. Как вспоминали одноклассники, товарищи его уважали, но не любили.

После казни брата в нем произошел перелом. Он навсегда затаил ненависть к самодержавию и стал одержим идеей его уничтожения. И уже на первом курсе университета Ульянов, став безудержным фанатом Чернышевского и идей его романа «Что делать», установил контакты с оставшимися народовольцами. Едва поступив в университет, он, не колеблясь, примкнул к студенческим выступлениям. За что и был тут же изгнан из стен «храма науки». Причем от-

числен, по тем временам, крайне жестко. Без права поступать в какие-либо учебные заведения и устраиваться на государственную службу.

Индустриализация тяжелым бременем легла на плечи крестьянства. Его экономическое положение непрерывно ухудшалось. Кроме высоких налогов, на них давила необходимость выплаты выкупных ссуд за полученную землю. На это накладывался рост цен на промышленные товары, вызванный протекционизмом, то есть защитой национальной промышленности от наплыва дешевых западных товаров, и быстрая монополизация в тяжелой индустрии. Хроническое недоедание, ставшее уделом многих крестьянских семей, привело к тому, что призывные комиссии выявляли до 20% не годных к воинской службе. А в 1891-1892 годах, вследствие неурожая, в стране разразился настоящий голод.

Но другого выхода у России в то время не было. Еще Крымская война продемонстрировала колоссальное отставание страны в вооружениях, обусловленное отсутствием современной военной промышленности. Западные империи, за счет ограбления колоний, к середине XIX века сумели резко поднять свою экономическую мощь. Это позволило им содержать огромные армии, формируемые на принципе всеобщей воинской повинности. Поэтому, в условиях нарастающей научно-технической революции, качество вооружений и развитие военной инфраструктуры вышло на первый план. Дальнейшее отставание в этой сфере уже не могло быть компенсировано одной доблестью русских войск, и потому ставило под угрозу само существование России, как независимого государства. Поэтому ждать, пока национальный капитал самостоятельно поднимет тяжелую промышленность и обеспечит армию современным вооружением, правительство уже не могло.

Все это приводило к массовому разорению крестьянских хозяйств и появлению сельского пролетариата (батраков). Крепкие кулацкие хозяйства, имея возможность скупать помещичьи земли, создавали крупные товарные производства, широко используя труд батраков. А так как предложение, из-за появления в большинстве крестьянских хозяйств избытка рабочих рук, превышало спрос, то кулаки получили возможность нещадно эксплуатировать своих работ-

ников. Работая практически за пропитание, последние уже не имели шансов завести собственное хозяйство. Поэтому социальная напряженность в деревне постоянно нарастала. Значительная часть сельских пролетариев устремилась в город, нарушив равновесие на городских рынках труда. Столь резкий приток рабочей силы, несмотря на жесткий контроль правительства, не мог не привести к усилению ее эксплуатации.

Переизбыток рабочих рук и безземелье в русской деревне объяснялись резким приростом населения, наблюдавшимся после земской реформы. Так в 1858 году население России составляло 74 млн. человек, а в 1897 – уже 129 млн. Причем изменение динамики прироста объяснялось некоторыми успехами земской медицины. Если рождаемость традиционно была очень высокой, то детская смертность характеризовалась некоторым снижением. Из просто чудовищной она переходила в разряд очень большой. К тому же, хотя эпидемии смертельных болезней продолжали свирепствовать, но благодаря некоторым успехам санитарной медицины, их удавалось быстрее локализовать, не допуская широкого распространения.

Этот колоссальный прирост сельского населения и привел к острой проблеме безземельности крестьянства. При этом плодородной земли в России было в избытке, но находилась она в лесостепных районах Сибири. Переселение в Сибирь требовало колоссальных моральных и материальных усилий, а пассионарная энергия к тому времени среди сельских жителей практически иссякла. Самостоятельно повторить подвиг первопроходцев XVII века они уже не могли. А Столыпину с его переселенческими идеями еще предстояло проделать долгий путь к креслу премьер-министра.

В этом плачевном состоянии и застал крестьянство молодой фермер Владимир Ульянов. Дело в том, что его мать, после исключения Владимира из университета, желая отвлечь сына от революционных идей, купила хутор в Алакаевке Самарской губернии и уговорила его заняться сельским хозяйством. Но хуторянин из него не получился. Хозяйство быстро пришло в упадок. Отношения с соседями не сложились. Поволжье было тогда одним из беднейших

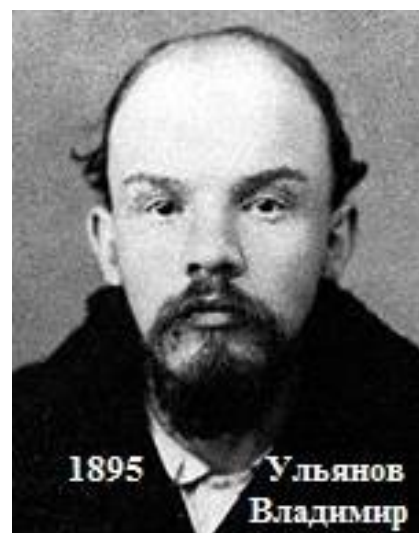
регионов. Так, в Алакаевке 34 крестьянских двора владели всего 62-мя десятинами земли. Поэтому они крайне враждебно встретили Ульянова, который один развлекался на 83 десятинах. И после кражи коровы и многочисленных потрав, Ульяновы отказались от этого занятия, сдав землю в аренду. Видимо в этом периоде жизни и следует искать объяснение той ненависти, которую он затаил на русских крестьян. Как вспоминал его тогдашний соратник Василий Водовозов, во время страшного голода 1891-92 годов Ульянов выступал против кормления голодающих. Его позиция сводилась к следующему. «Голод есть прямой результат определённого социального строя... уничтожить его можно, лишь уничтожив этот строй... Голод в настоящее время играет и роль прогрессивного фактора. Разрушая крестьянское хозяйство, выбрасывая мужика из деревни в город... он содействует индустриализации... Он заставит мужика задуматься над основами капиталистического строя, разобьет веру в царя и царизм и, следовательно, в свое время облегчит победу революции».

Глядя на юность Ленина возникает соблазн предположить – если бы царь помиловал брата, а крестьяне вернули корову, то... Но Февральская революция все равно бы случилась – Ленин ее откровенно проспал в эмиграции. А вот Октябрьской без него действительно не было бы – гении такого масштаба рождаются крайне редко.

Но все это ерунда! Честолюбивый и решительный юноша, жаждавший славы, в университете мимо революционных кружков все равно бы не прошел. А будучи несомненным гением, в борьбе сделал бы правильную ставку на пролетариат и, следовательно, на марксизм. Поэтому с живым или мертвым братом, с коровой или без, он все равно стал бы вождем мирового пролетариата. А так как Ленин верно оценивал крестьянство как постоянный источник воспроизводства мелкой буржуазии, то русский мужик коровой все равно бы не отделался.

Знакомство с марксизмом произвело на Ильича сильное впечатление. Идеи народovolьцев были отставлены. С этого момента он в революционной борьбе делает ставку на рабочий класс. В 1895 году Ульянов вместе с потомст-

венным интеллигентом Юлием Цедербаумом (Мартовым), создает марксистскую организацию «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». В отличие от эмигрантской группы Плеханова, они установили тесную связь с неорганизованным рабочим движением и занялись пропагандой марксистских идей в рабочей среде. И хотя вскоре все руководство организации было арестовано и оказалось в ссылке, но распространение марксистского учения среди рабочих уже было не остановить.

Как мы видим, в короткие сроки марксизм завоевал умы значительной части русской интеллигенции и проник в рабочую среду. Но как всегда «сколько интеллигентов – столько и мнений». Едва появившись в России, марксизм распался на несколько течений. На основе теории Бернштейна, отрицавшего революционную составляющую марксизма, в России появился «экономизм»,

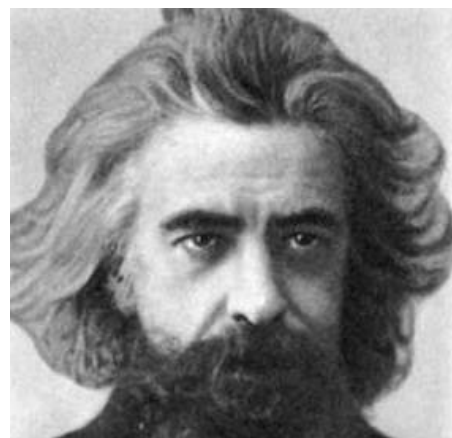

стремившийся ограничить рабочее движение только экономической борьбой. К ним примыкали «правые оппортунисты», сторонники идей Карла Каутского. Также возник «легальный марксизм», утверждавший прогрессивность капитализма в России, идейным вождем которого становится Петр Струве. И, наконец, левый оппортунизм, на возникновение которого повлиял анархизм.

Еще стремительнее марксизм распространялся среди образованных евреев. Уже в начале 90-х годов сформировался всеобщий еврейский рабочий союз (БУНД). И когда в 1998 году состоялся 1 съезд РСДРП, провозгласивший создание российской социал-демократической рабочей партии, БУНД вошел в нее в качестве коллективного члена, а один из его лидеров, Аркадий Кремер стал членом ЦК. И в руководстве различных марксистских кружков и организаций, создаваемых интеллигенцией,

также преобладали выходцы из еврейской среды.

Еще одна часть интеллигенции, во главе с религиозным философом Владимиром Соловьевым, после нескольких десятилетий господства в ее среде атеизма, ударились в богоискательство. Этому способствовали и теософские изыски Елены Блавадской и «учение Христа» Льва Толстого. Вообще поиск бога в стране с тысячелетней историей христианства

Владимир Соловьев
1853-1900

выглядит несколько странно. Но вспомним первых «любомудров». «Христианское учение казалось нам пригодным только для народных масс, а не для нас, любомудров... Творения Спинозы мы считали много выше Евангелия». И здесь мы видим величайшее самомнение – один из характерных признаков интеллигенции. Она не могла удовлетворяться «религиозной жвачкой», предназначенной для черни.

К концу века численность интеллигенции серьезно увеличилась. Опираясь на данные переписи населения 1897 года, профессор Соколов оценил весь интеллектный слой (людей с высшим образованием) примерно в 120 тысяч человек. Если исключить из этого числа 30 тыс. государственных служащих, 12 тысяч представителей духовенства и 4 тысячи офицеров, то подавляющее большинство из оставшихся 74 тысячи: педагогов, литераторов, ученых, служащих искусства, книгоиздателей, журналистов, библиотекарей, юристов, инженеров, агрономов и врачей можно отнести к интеллигенции. То есть численность интеллигенции к концу века могла достигать 60-65 тысяч. К этому необходимо прибавить 25 тысяч студентов ВУЗов и университетов.

К тому времени практически каждый студент, благодаря эффекту толпы или, а по научному, – синергии, во время учебы приобщался к этой замечательной социальной группе. И только в зрелые годы, некоторые из личных интеллигентов находили в себе мужество вырваться из ее рядов. С потомственными интеллигентами, с рождения впитывавшими интеллигентский дух, это уже не

происходило практически никогда. А к началу XX века 50-60% интеллигентов были выходцами из той же среды.

Российское общество того времени было сильно социально структурировано. И если образованные дворяне еще могли более-менее безболезненно отмежеваться от интеллигенции, то образованным разночинцам, не желающим связывать себя с государственной службой, просто некуда было деваться.

К концу века, когда царя-миротворца сменил царь-новомученик, концепт субкультуры интеллигенции вновь несколько скорректировался и формулировался как: образованный человек, руководствующийся не только разумом, но и чувствами совести, ненависти к России и благоговения перед Западной культурой. Как мы видим, теперь уже ненависть к самодержавию сменилась ненавистью ко всему русскому.

Изучая биографии видных революционных интеллигентов, замечаешь общую закономерность.

Семинария, блестящие успехи, поступление в университет, кружки, арест, каторга.

Гимназия, блестящие успехи, поступление в университет, студенческие волнения, бомбометание, арест, виселица.

Пажеский корпус, блестящие успехи, блестящая военная карьера, поступление в университет, хождение в народ, арест, ссылка.

Перефразируя Жванецкого – может в университете что-то поменять?

Мне вообще иногда кажется, что Грибоедовский Фамусов был не так уж и не прав, когда говорил: «Забрать все книги бы, да сжечь!».

Истинно говорю я вам: «Многие знания порождают скорбь». Представляю, какой вой поднимет прогрессивная общественность, если прочитает эти строки. Спокойно граждане! Я сам, прости Господи! профессор университета. Сеятель разумного, доброго, вечного.

Конечно, университеты сыграли огромную роль в индустриализации страны, в преодолении научного и технического отставания, в укреплении военной мощи Российской империи, без которой... и бла, бла, бла!

Как говорил чеховский герой: «Нешто мы не понимаем... мы же не все гайки скручиваем...». Вот и я не предлагаю все университеты закрывать. Но философские факультеты закрыл бы. Потому как скорбь порождает не все знания, а только философские. Философы вторгаются в сферы, недоступные человеческому сознанию. Но при этом одну за другой выплевывают «бессмертные» теории, большинство из которых на завтра кажутся смешными даже им самим. И, тем не менее, все эти поклонники монад, несозревшей разумности, абсолютной идеи, вещи в себе и прочей дребедени каждый раз требуют признать свои теории истинной в последней инстанции.

Представим себе на минутку, что все эти бесчисленные стада философов, подобно мамонтам, в одночасье вымрут. И что, мир перевернется? Рухнут биржевые индексы? Остановится производство? Крестьяне разучатся сеять хлеб? Ученые не смогут делать открытия, изобретатели – изобретать, конструкторы – конструировать, художники – творить? Если об этом не расскажут в выпусках CNN, BBC или RT, кто-нибудь это заметит?

Но, может быть, без них падет нравственность населения? Но ранее ее с той или иной степенью успешности поддерживали мировые религии. И что, в местах наибольшей концентрации философов, где наблюдается торжество атеизма или богоискательства, где-нибудь зафиксирован ее расцвет?

«Ну что ты прицепился к бедным философам? – спросите вы – пусть себе развлекаются». И я бы с этим согласился, если бы не одно но. Каждый раз вслед за безобидными мыслителями, вдохновляемые их идеями приходят деятели совсем иного склада. И попытки реализации этих идей приводят к рекам крови и гибели тысяч, а в случае с марксизмом – и миллионов людей.

И теперь подобные катаклизмы были уже не за горами. Но пока большая часть интеллигентов, возлежа на диване, лениво пережевывала передовые идеи. Меньшая же часть, разделившись на марксистов, народников и богоискателей, вела непримиримые словесные битвы на страницах легальных и нелегальных изданий. И в этой атмосфере незаметно подкрался новый, XX век. А вместе с ним на арену вступило четвертое поколение русской интеллигенции.